

Дружинина и Чернышевского (принадлежавших к четырем различным эстетическим школам), оказался превосходным литературным произведением.

Во время и после Крымской войны

К концу следующего (1853) года началась великая Крымская война, и Л. Н. Толстой не пожелал оставаться бездейственным в Кавказской армии. Он перевелся в Дунайскую армию, принял участие в осаде Силистрии и позже — в битве при Балаклаве; а с ноября 1854 года до августа 1855-го находился в осажденном Севастополе, — некоторое время на страшном Четвертом бастионе, где ему пришлось пережить все ужасы героической защиты крепости. Толстой имеет поэтому право говорить о войне: он знает, о чем говорит. Он знаком с ней, и притом в таких, наиболее привлекательных и многозначительных, ее проявлениях, как защита этих фортов и бастионов, вырвавшихся под ядрами врагов. Во время этой осады он решительно отказался от перевода в штаб и оставался при своей батарее, в наиболее опасных местах.

Я очень живо вспоминаю, хотя мне в то время было не более двенадцати или тринадцати лет, то глубокое впечатление, которое его очерк «Севастополь в декабре 1854 года» и позднейшие два очерка, появившиеся после падения крепости, произвели в России. Самый характер этих очерков отличался оригинальностью. Это не были листки из дневника, а вместе с тем они отличались всей реальностью подобного дневника; фактически они были даже более верны, так как изображали не один какой-либо уголок реальной жизни, случайно попавший под наблюдение автора, а всю жизнь, весь образ мыслей и привычек, господствующих в осажденной крепости. Они являлись — и это характерно для всех последующих поэтических произведений Толстого — сплетением *Dichtung* и *Wahrheit*, поэзии и правды, правды и поэзии, причем заключали в себе более правды, чем обыкновенно находится в повести, и более поэзии, более поэтического творчества, чем в большинстве работ, создаваемых исключительно воображением.

Толстой, кажется, никогда не писал стихами; но во время осады Севастополя он написал, обычным размером и языком солдатских песен, сатирическую песню, в которой осмеивал ошибки командиров, поведшие к разгрому под Балаклавой. Песня, написанная в народном стиле, не могла, конечно, быть напечатана, но она разошлась по России в тысячах списков, и ее распевали везде, как во время самой кампании, так и после нее. Имя автора вскоре тоже сделалось известно; не знали только, был ли это автор севастопольских очерков или какой-нибудь другой Толстой.

По возвращении из Севастополя и по заключении мира (1856) Толстой жил временами в Петербурге и временами в Ясной Поляне. В столице он был встречен с распростертыми и объятиями всеми классами общества, и литературного и светского, как севастопольский герой и будущий великий писатель. О жизни, какую он вел в то время, Толстой не может теперь говорить без отвращения: это была обычная жизнь молодых людей из «общества» — гвардейских офицеров и *jeunesse doree*, — проводимая в ресторанах и кафешантанах русской столицы, среди игроков, спортсменов, цыганских хоров и французских авантюристов. Одно время он сблизился с Тургеневым и часто видался с ним, как в Петербурге, так и в Ясной Поляне (имения обоих великих писателей были расположены недалеко одно от другого); но, хотя его друг, Тургенев, принимал в то время деятельное участие в издававшейся Герценом знаменитой революционной газете «Колокол» (см. гл. VIII), Толстой не только не интересовался этим, но даже относился свысока к этой деятельности Тургенева. Будучи хорошо знаком с редакторами знаменитого тогда журнала «Современник», ведшего блистательную кампанию против крепостного права и за свободу вообще, Толстой, по той или иной причине, никогда не вошел в дружеские сношения с радикальными вождями этого журнала — Чернышевским, Добролюбовым, Михайловым и их друзьями.

Вообще великое интеллектуальное и реформационное движение, которое шло тогда в России, не увлекло Толстого за собой. Он стоял в стороне от партии реформ. Еще менее того был он склонен присоединиться к тем молодым нигилистам, которых Тургенев изобразил в «Отцах и детях», или позднее, в 70-х годах, к юношеству, которого девизом было «слияние с народом» и с которым у Толстого было столько общего в настоящее время¹⁰

¹⁰ Писано было и 1900 году